

Суверенитет и власть в Европе после Вестфальского мира

[Ивонина, Л. И.](#) Суверенитет и власть в Европе после Вестфальского мира, В кн.: Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2019. Вып. 5 (1). С. 96–113.

[Людмила Ивановна Ивонина](#), д. и. н., проф. кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет (214000, Россия, Смоленская обл., Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4)

ivonins@rambler.ru

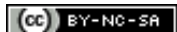
kaf-vsistor@smolgu.ru

УДК 94

Язык: русский

Ключевые слова: Вестфальская система, суверенитет, государство, баланс сил, монополизация власти, регализация, монархия

URL: <http://proslogion.ru/51-ivonina/>

European state after the Peace of Westphalia

[Ivonina, L. I.](#) Suverenitet i vlast' v Evrope posle Vestfal'skogo mira [European state after the Peace of Westphalia], in: Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture, 2019. Vol. 5 (1). P. 96–113.

[Lyudmila Ivanovna Ivonina](#), Doctor of History, professor, Department of World History, Smolensk State University (214000, Rossiya, Smolenskaa oblast', Smolensk, ulitza Przheval'skogo, 4)
ivonins@rambler.ru
kaf-vsistor@smolgu.ru

Language: Russian

Key Words: Westphalian system, sovereignty, state, the balance of power, monopolization of power, regalization, monarchy

URL: <http://proslogion.ru/51-ivonina/>

Л. И. Ивонина

СУВЕРЕНИТЕТ И ВЛАСТЬ В ЕВРОПЕ ПОСЛЕ ВЕСТФАЛЬСКОГО МИРА

Независимо от того, как мы понимаем историю, в ней имеют место долговременные цезуры, которые характеризуются, прежде всего, такими качествами, как переход и адаптация. В принципе, любой переходный период, каковым и являлся ранний Модерн (XVI–XVIII вв.), — это время неопределенности и многоликости, динамичности и контрастности, борьбы и созидания, время приспособления к переменам, вызывающим у людей самые противоречивые чувства и реакции. Но адаптация отнюдь не предполагает абсолютной неустойчивости, и неустойчивость переходного общества ни в коем случае не отрицает довольно длительных периодов его стабилизации, пусть даже в форме так называемого неустойчивого равновесия. К началу XVII в. возрождение системного хаоса создало всеобщую заинтересованность в серьезной рационализации властной борьбы со стороны европейских правителей и зарождавшейся буржуазной олигархии, имевших мотивы и способности, необходимые для того, чтобы взять на себя инициативу в обслуживании общего интереса — государственного.

Согласно современному немецкому историку Х. Д. Киттштайнеру, стабилизационный период генерировался из «хаотического» времени и охватывал 1618–1715 гг. Именно в это время место конфессиональной борьбы за господство универсальной силы заняла рационально калькулированная борьба суверенных государств в рамках европейского равновесия. Европейские государи получили право конфессиональной свободы и право распоряжаться

© Л. В. Ивонина, 2019

свободой совести своих подданных, а философия стала вытеснять теологию в мышлении интеллектуалов и государственников. В 1648 г. в документах Вестфальского мира был сделан шаг в сторону признания светских суверенных прав за всеми европейскими государствами, включая чинов Священной Римской империи¹. Этот шаг положил начало становлению современной системы, в которой суверенитет предполагается необходимым атрибутом любого государства.

После Вестфальского мира идея верховной власти или организации европейских государств сверху постепенно переставала работать. Вместо нее формировалось представление о том, что все государства образуют единую политическую систему. Эта новая система покоилась на международном праве и балансе сил — праве, действующем между государствами, а не над ними, и силе, действующей между государствами, а не над ними. При этом из трех международно-правовых метафор — «Вестфальский мир», «баланс сил» и «Европа» — только последняя в различных ее вариативных выражениях реально стала каноном международного права в XVIII в.² Параллельно в политическом и обыденном сознании жителей континента понятие «Европа» вытесняло понятие «христианский мир».

Не так давно общепризнанным было мнение, что суверенитет, предоставленный имперским чинам, являлся фактически полным, что привело к дезинтеграции Священной Римской империи и трансформации средневековых территориальных ленов в государства современного типа. Эта идея легла в основу концепции Вестфальского суверенитета, то есть системы организации власти, при которой государство обладает полным верховенством в пределах своей территории, политической независимостью во внутренней и внешней политике и является юридически равноправным в отношениях с иными государствами. Так, Вестфальский мир заложил основы современного международного права и современной политической картины мира как совокупности суверенных,

¹ *Kittsteiner, H. D.* Die Stabilisierungsmoderne: Deutschland und Europa 1618–1715. München, 2010. S. 24–25.

² *Duchhardt, H.* Frieden im Europa der Vormoderne: Ausgewählte Aufsätze 1979–2011 / Hrsg. von M. Espenhorst. Paderborn/München/Wien/Zürich, 2012. S. 119.

независимых и равноправных национальных государств. А принципиальное признание территориального суверенитета имперских сословий (помимо их традиционных привилегий) привело к их независимости от имперской власти, ограниченной лишь мало значившей оговоркой, запрещающей заключать международные договоры, направленные против императора. В результате Империя превращалась в империю князей, а император стал среди них первым среди равных.

В настоящее время такой взгляд на итоги Вестфальского мира подвергается сомнению: ряд современных исследователей, признавая роль Вестфальской системы в построении немецкого территориального государства, утверждают, что территориальный суверенитет, предоставленный договором имперским сословиям, лишь систематизировал старые права, привилегии, свободы, прерогативы и регалии, которыми они пользовались раньше. Право территориального суверенитета в значении Вестфальского мира подчеркивало сословные свободы, но не делало из имперских князей суверенных правителей. Немецкие территориальные княжества оставались по-прежнему в рамках единой конструкции, скрепленной имперской Конституцией, а полноправным сувереном продолжала оставаться Империя, а не ее члены. Германские князья, обладающие правом территориального суверенитета по Вестфальскому договору, пользовались независимостью в области внутренних дел, административного устройства и собственного законодательства, но по-прежнему считались вассалами императора и не могли заключать договоры с иностранными государствами, направленные против Империи. Кроме того, немецкий государь был обязан принимать участие в органах управления Империи, участвовать в расходах на содержание имперской армии и имперских учреждений, обеспечивать исполнение на территории своего княжества решений имперского рейхстага и других имперских органов. Тем не менее на практике уровень ограничения суверенитета зависел от военно-политической силы конкретного княжества. Например, король Пруссии в XVIII в. не участвовал в окружных собраниях, имперских расходах, не допускал исполнения на территории своих владений постановлений имперского суда и проводил независимую внешнюю политику, за исключением договорных обязательств

во время войн. В других крупных имперских княжествах территориальный суверенитет также постепенно эволюционировал в сторону устранения ограничений независимости и расширения прерогатив территориальной власти³³.

В русле современной историографии, склонной к опровержению устоявшихся «мифов», немецкий историк Х. Духхардт основательно критикует понятие «Вестфальская система» и стилизацию договоров в Мюнстере и Оснабрюке. И не только в отношении статуса чинов Священной Римской империи. В первую очередь он обращает внимание на то, что в германской исторической лексике и современных германо-американских исследованиях такого понятия нет, но оно активно используется в англо-американской историографии как устоявшийся факт, а не как дискуссионный термин. Особенно спорным, по мнению Духхардта, выглядит эмоциональное определение Вестфальской системы американским правоведом Лео Гроссом в 1948 г.: мол, Вестфальский мир открыл эру суверенных абсолютистских государств, не признающих высший авторитет. Впоследствии этот мотив, навеянный созданием ООН и других международных организаций, был развит в 1990-е гг., годы юбилея Вестфальского мира, и звучал так: Вестфальская конференция создала европейскую систему суверенных государств. Духхардт выводит корни стилизации Вестфальского мира из сочинений его современников, развитых впоследствии в эпоху Старого порядка. На самом деле мир 1648 г. был призван создать порядок на части Европы, не разрешив ни франко-испанский, ни польско-русско-шведский, ни итальянский конфликты. Вместе с тем немецкий историк согласен с тем, что «дух» Вестфальского мира имеет наивысшую ценность, когда идет речь о конце кровавого и бессмысленного конфликта и переходе от конфессиональной к рациональной политике. Наконец, процесс переговоров обозначил путь к мифу о самом Вестфальском мире, который обосновала общественность перед Французской революцией конца XVIII в. При этом старый миф о мире 1648 г. исходил не только из содержания договоров и многочисленных славословий, прежде всего в протестантской

³³ Вестфальский мир: Межкафедральный круглый стол в МГИМО (У) МИД России 27 февраля 2008 года, в кн.: *Вестник МГИМО-Университета: Журнал*. 2008. № 1. С. 79.

части Империи, но и из создания долгоиграющей местной культуры памяти. Сегодня между старым, предреволюционным мифом и его новой трактовкой есть непосредственная связь, однако американские правоведы, историки и политологи используют модель большого формата в духе нового реализма и мировой политики США.

Согласно Духхардту, три столпа мифа о Вестфальском мире — государственный суверенитет, паритет и равновесие сил в Европе — в строгом смысле не проистекают прямо из него, за исключением внутреннего и внешнего паритета государств (что тоже спорно, ибо имела место негласная иерархия государств, особенно заметная на переговорах). Немецкий историк приходит к выводу, что сегодня создан миф, который с реальными решениями архитекторов мира 1648 г. не имеет ничего общего, миф, опирающийся на модель эпохи Просвещения и всегда подвергавшийся критике⁴⁴.

Позиция ученого обоснованна и интересна своей дискуссионностью, но в целом она представляет одновременно как «мягкий вариант», так и существенный отход от демистификации Вестфальского мира Б. Тешке, которая сводится к следующим посылам. Договоры заключались не между государствами, а между правителями, или, как уточняет Тешке, «между частными лицами и корпоративными структурами». Отсюда территория обозначала не единообразное в административном плане географическое пространство, а совокупность прав на владения в различных регионах. Семантика реставрации на переговорах в Мюнстере и Оснабрюке, по мнению Тешке, свидетельствует о том, что соглашения предполагали не утверждение новых принципов международного права, а, скорее, кодификацию возвращения к *status quo ante bellum*. Да и 1648 г. не означал создания принципов международного публичного права путем признания внутреннего и внешнего суверенитета подписавшихся сторон, а устанавливал систему коллективной безопасности, которая пыталась заморозить правовой, конфессиональный и территориальный *status quo*, выгодный державам-победительницам — Франции и Швеции. Автор подчеркивает династический характер Вестфальского порядка и считает необходимым построить новую

⁴ Duchhardt, H. Frieden im Europa der Vormoderne. S. 152–159.

теорию абсолютистского суверенитета, основанную на теории отношений собственности, на экономических и социальных трансформациях⁵⁵. В целом, позиция Тешке вызывает много вопросов. Так ли, по сути, нова его «новая теория абсолютистского суверенитета», и не пишет ли в данном случае автор в ключе распространенного сегодня метамодернистского подхода?⁶⁶ Не стоит ли считать правителей, заключавших договоры, персонами, репрезентовавшими не столько себя лично, сколько свое государство? И разве система коллективной безопасности не предполагает развития системы баланса сил? В любом случае, конец, который, прежде всего, усматривает Тешке в Вестфальских договоренностях, стал на деле началом новых реальностей.

Разумеется, с заключением не только Вестфальского, но и других мирных договоров середины XVII в. — Пиренейского и Оливского, эпоха гармонии и всеобщего мира не наступила⁷⁷. Тем не менее тогда была достигнута определенная стабильность, которая могла привести отношения между государствами и народами к новому политическому равновесию, и стали формироваться новые формы взаимного сосуществования, активно апробировавшиеся в политике, экономике, культуре. Новым явлением стал мир «дворов и альянсов», который внутри- и внешнеполитически, в культурной сфере, в отношениях между государством и церковью, в экономической области и в науке достаточно отчетливо провел черту между поздним Средневековьем и Новым временем. И поскольку мирные договоры не стали инструментарием мира, его идеологи искали выход в создании нейтральных мирных зон и гуманизации войны. В принципе, европейскую политику тогда

⁵ Тешке, Б. Миф о 1648 годе: Класс, геополитика и создание современных международных отношений. М., 2011. С. 343–354.

⁶ Назначение метамодернизма трактуется следующим образом. Метамодернизм заменяет границы настоящего на пределы бесперспективного будущего; он заменяет границы знакомых мест на пределы беспредельного. «Судьба» человека метамодерна — преследовать бесконечно отступающие горизонты.

⁷ Пиренейский мир 1659 г. привел к концу долгое противостояние между Францией и Испанией, а мир в Оливе близ Данцига, подписанный в 1660 г. с участием Бранденбурга-Пруссии, — между Речью Посполитой и Швецией. Этот мир и Копенгагенский договор 1660 г. завершили Северную войну 1655–1660 гг. и обозначили зенит Шведской империи.

уже можно было просчитать, чтобы найти адекватный ответ, что нашло отражение в правовой мысли века Просвещения. Во время борьбы европейских коалиций против «универсальной монархии» Людовика XIV идеологическим базисом межгосударственных отношений становился баланс сил, ключевой идеей которого был не столько «мир», сколько «свобода», что привело к отказу от гарантов Вестфальского мира — Франции и Швеции — и системе Великих держав. Коррекцию правовой системы Вестфальского мира и переход к равновесию подготовила война за Испанское наследство (1701–1714), а побочным эффектом этого перехода стало периферийное положение Империи, которая как единое целое перестала играть роль участника формирующегося концерта держав⁸⁸.

Главным итогом войн «конфессионального века» (вторая половина XVI – первая половина XVII в.) являлась секуляризация религии и политики. Нельзя не заметить, что во время Классической Европы⁹⁹ качественные политические перемены охватили все уголки континента: их переживали как монархии — Британия, Франция, Испания, так и республики — Соединенные провинции, Венеция. В германских землях государство раннего Нового времени формировалось как территориальное, ибо имперская конституция после Вестфальского мира не определяла ее полный суверенитет над многочисленными княжествами, герцогствами и городами, а давала им свободу отношений друг с другом и другими европейскими державами. Кроме того, Священная Римская империя частично внутренне модернизировалась на правовой основе, что диктовалось необходимостью войти в мир суверенных государств. А политические структуры, неспособные достичь,

⁸⁸ *Duchhardt, H.* Frieden im Europa der Vormoderne. S. 37–39, 61–64.

⁹⁹ Вторую половину XVII – XVIII вв. в историографии чаще именуют Старым порядком, хотя это понятие не отражает все грани жизни многоликого и динамичного общества того времени. По сути, оно обозначает существовавшую тогда реальную жизнь через будущее, сквозь призму Французской революции, которая грянет в конце XVIII столетия и окончательно изменит мир. Французский историк П. Шоню назвал этот период времени классической Европой, на протяжении которого имело место «возникновение ментальных структур будущей планетарной цивилизации в экономических, социальных и политических рамках, по-прежнему целиком пронизанных многовековыми традициями». См.: *Шоню, П.* Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005. С. 10–11.

по Максу Веберу, «монополии легитимной силы», такие как Речь Посполитая, становились легкой добычей для соперников, которые использовали признаки времени более эффективно. Успешное государство также нуждалось в адаптации к экономическим и социальным изменениям. Только те, кто преуспели в интеграции своих элит, могли конкурировать. Этого можно было достичь через двор (проект Версаля), или через репрезентативную ассамблею, как английский Парламент, или через службу аристократии, как в Пруссии и России, или через комбинацию всех этих составляющих, как в Габсбургской монархии XVIII в.¹⁰

Не менее значимой и тесно увязанной с общеевропейскими процессами являлась внутренняя основа суверенитета. В годы Тридцатилетней войны и после нее государственные структуры большинства стран европейской системы подверглись серьезной трансформации. В целом для внутривосточной жизни континента после кризиса середины XVII в., вызванного войной, был характерен всеохватывающий процесс монополизации, который привел к концентрации в руках носителей высшей государственной власти (иначе — у государства) всех важных политических полномочий¹¹. Этот процесс «традиционного расширения власти» имел место как в малом количестве государств, ставших на путь буржуазно-правовой трансформации, так и в преобладавших на континенте абсолютных монархиях. Только в первом случае монополизировали власть представительские структуры (Парламент в Англии, Генеральные штаты в Республике Соединенных провинций), а во втором — монарх и его министры. Монополизация, в свою очередь, включала в себя бюрократизацию, централизацию и милитаризацию государства. Последняя представляла собой создание на основе рекрутских наборов и инженерно-технических нововведений постоянных армий на службе существующей власти.

¹⁰ Mann, M. *Geschichte der Macht*. Frankfurt/New York, 1998. Bd 3. Teil 1. S. 14; Schilling, H. *Europa um 1700: Eine Welt der Höfe und Allianzen und eine Hierarchie der Dynastien*, in: *Preussen 1701. Eine europäische Geschichte: Essays*. Berlin, 2001. S. 15–17.

¹¹ Шиллинг, Х. Становление европейских государств раннего Нового времени и формирование политической системы их взаимоотношений как системы держав современной Европы, В кн.: *Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв.* Москва, 2002. С. 22.

Итак, период стабилизации стал переходом к правовому государству при очевидной монополизации власти либо представительскими органами, либо монархами и их министерствами. Абсолютизм, какое бы содержание не вкладывалось в это понятие, отнюдь не препятствовал развитию права, как подчеркивается в современной литературе. В рамках государственных структур абсолютных монархий зарождались и развивались основные естественно-правовые понятия, ставшие правовыми основами современной цивилизации. Об этом свидетельствует хотя бы то, что интеллектуалы того времени уделяли особое внимание познанию современных им процессов и совершенствованию политико-правового учения¹². Самым ярким образцом стабильного государства переходной эпохи являлась Франция во время правления Людовика XIV (1643–1715), опуская, да и то с рядом оговорок, время министерства кардинала Мазарини до 1661 г.

Здесь же отметим, что дискуссия об эпохально-специфическом качестве государства раннего Нового времени никогда не «успокоится», и это вполне нормально, как считают историки. Исследователями Старого порядка системное понятие «абсолютизм» перманентно подвергается критике, доходящей до утверждения, что эту категорию следует вообще удалить из ряда исторических дискурсов. Также имеет место точка зрения, что понятие «абсолютизм» применимо только к Франции эпохи Людовика XIV. Но был ли абсолютизм мифом и являлся ли абсолютизм французского короля «абсолютным»? Конечно, это понятие, не подвергавшееся критической оценке до 1830-х гг., можно рассматривать как анахронизм. Однако люди, жившие в XVII в., имели ясную концепцию абсолютной власти и столь же ясное представление о том, как «король-солнце» должен был создавать и создавал ее. В силу этого на практике и в теории, на уровнях перцепции и реальности абсолютная монархия была отождествляемым с суверенитетом государства феноменом. Тем не менее король и его министры в условиях примитивных коммуникаций, как физических, так и символических, отнюдь не преуспели во внедрении многого

¹² *Grewe, W. G.* Epochen der Völkerrechtsgeschichte. Baden-Baden, 1984. S. 328; *Duchhardt, H.* Europa am Vorabend der Moderne 1650–1800. Stuttgart, 2003. S. 67.

из , что стремились достичь. Но тогда была создана великолепная политическая культура абсолютной монархии, воплощенная в Версале. Французский абсолютизм был не просто стилем, а средством воздействия, которое реально сказалось на государственном строительстве¹³.

Новые формы европейского бытия, и прежде всего монополизация власти, формировались в тесном взаимодействии методов адаптации и конкуренции. Следствием конкуренции и ярким примером адаптации являлась монархизация, или, если использовать латинский эквивалент, регализация европейских правителей и государств. По сути, она была частью отмечаемого в литературе другого процесса большой значимости этого времени — подъема средних и малых государств, которые являлись неотъемлемой частью континента и стремились к суверенитету, обеспечивавшему их независимое существование. Ведь в конце XVII в. монархической государственностью, то есть полным суверенитетом, обладали только Франция, Испания, Британия, Португалия и Швеция. В других монархиях, или «квазимонархиях», сословия в целом или круг выборщиков участвовали в передаче власти, как, например, в Священной Римской империи, Венгрии, Речи Посполитой, Дании и Папском государстве¹⁴. Регализация оказалась феноменом более широким и была характерна не только для средних и малых правителей и их территорий. Она включала в себя как превращение территориального или регионального княжества Германии или Италии (курфюршества, герцогства и т. д.) в королевство, а их правителей — в королей, так и обретение той же короны в другом государстве, а также повышение статуса правителя огромной территории в европейской системе государств.

¹³ Henshall, N. *The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy*. London/New York, 1992. P. 7; Blanning, T. *The Pursuit of Glory: Europe 1648–1815*. London, 2008. P. XXIV, 215–217; Neugebauer, W. *Staat – Krieg – Korporation. Zur Genese politischer Strukturen im 17. und 18. Jahrhundert*, in: *Historisches Jahrbuch*. Jg. 123. 2003. S. 197; Tischer, A. *Ludwig XIV*. Stuttgart, 2017. S. 52–54.

¹⁴ Duchhardt, H. *Europa am Vorabend der Moderne 1650–1800*. S. 16; Schnettger, M. *Kleinstaat in der Frühen Neuzeit*, in: *Historische Zeitschrift*. Bd 286. Heft. 3. Juni 2008. S. 605, 609.

Централизованное, бюрократизированное и во многом милитаризованное управление государством Классической Европы, подобно любой другой форме политики, было искусством возможного. К тому же, личные амбиции абсолютных правителей часто увеличивали их возможности, постоянно заставляя их стремиться к расширению своего влияния и повышению своего статуса среди других государств, что, безусловно, укрепляло их позиции и внутри страны. В принципе, абсолютные монархии усилили государство раннего Нового времени в территориально-политическом, правовом, экономическом и культурном отношениях.

Новый после Вестфальского мира политический порядок преломлялся через высшую государственную власть — монархическую или республиканскую — и взаимное сцепление всех звеньев этой власти: институционализации, бюрократизации, божественного и естественного права, постоянного контроля и социального дисциплинирования, то есть принуждения к единообразию с целью формирования государственного подданного. Однако монархизация, проходившая параллельно с усилением власти и суверенитета европейских государей, ассоциировалась в глазах большинства современников с порядком и спокойствием, а республиканизация — с отсталостью, с одной стороны, и кризисом и анархией, с другой. Будущее государств Нового времени и отношений между ними заключалось не в старой иерархии в рамках Европы, и регализация стала одним из тех методов, которые должны были сломать эту старую иерархию понятными ей способами.

Фундаментальная разница между двумя политическими системами — республиками и монархиями, исходившая из отсутствия или существования дворов, высшего общества и соответствовавшей ему культуры, являлась одной из характерных черт Классической Европы. Двор как институт и форма существования переживал взлет, ему принадлежало бесспорное первенство в политике и моде, тогда как республики представлялись либо опасными, либо старомодными, отсталыми и неразвитыми; современная же историко-политическая традиция исходит как из опыта республик, так и из опыта монархий. Во всей Европе монархия, как институт, была нормой. Большинство образованных европейцев, несмотря на критику современных им реалий, полагало, что монархия является

наилучшей формой правления. Именно от государей ожидали справедливого и эффективного управления страной. В Классической Европе государство и его суверенитет в большой степени идентифицировались с династией, и только с начала XIX в. оформляется определение государства в современном смысле.

Легитимация государя в раннее Новое время не только основывалась на его личности и демонстрировалась им — ее основы создавались правом. Как свидетельствовали сами современники, государи нуждались в законе, что было феноменом, который можно назвать «легализмом» и зерном государственного строительства раннего Нового времени¹⁵.

Кроме того, слава и репутация королей, осуществлявших репрезентативную функцию в государстве, значила очень много, и не случайно в мировой историографии очень распространенной является точка зрения, согласно которой внутренняя жизнь государств Старого порядка и отношения между ними определялись преимущественно военными факторами. Войны в «придворно-организованной» Европе раннего Нового времени были войнами монархов между собой и несколькими суверенными республиками, такими как Соединенные провинции, Швейцария или Венеция. Война являлась «носителем политического решения» и не только международного порядка, но и, возможно, прежде всего, внутреннего. При этом милитаризация власти диктовалась отнюдь не единственным желанием прославить династию славными войнами, а частью монополизации, насущной потребностью в целях ее укрепления внутри государства и расширения политического влияния, вплоть до гегемонии, за его пределами.

Мнение это имеет под собой солидную основу: к примеру, при прославлении в официальной историографии ведущих европейских династий XVII в. — Бурбонов и Габсбургов — исключительное значение имел внешнеполитический аспект. Французский король Людо-

¹⁵ Asch, R., Freist, D. Einleitung. Staatsbildung als kultureller Prozess, in: *Strukturwandel und Legitimation von Herrschaft in der Frühen Neuzeit* / Hrsg. von R. Asch, D. Freist. Köln/Weimar/Wien, 2005. S. 2–3; Barbiche, B. Les institutions de la monarchie française à l'époque Moderne XVI–XVIII siècle. Paris, 2001. P. 234–240; Gelderen, M. van. Republikanismus in Europa: Deutsch-Niederländischen Perspektiven 1580–1650, in: *Aspekte der Politische Kommunikation in Europa des 16. und 17. Jahrhunderts*. München, 2004. S. 285.

вик XIV и император Священной Римской империи Леопольд I старались предстать как спасители Европы и рыцари христианства, не будучи при этом *Roi-Connétable*, и в этой связи являли образ не полководца, а триумфатора. В случае войны конкурирующая стратегия этих династий в рамках политического образа выражалась в вопросе: Марс или Юпитер? Защитник Юпитер или воинственный Марс были не случайными мифологическими образами, а политической программой окружения Леопольда и Людовика. Их образы и, следовательно, легитимация войны вступали в противоречие с правовой мыслью того времени — концепцией правовых войн и христианской теологией, о чем свидетельствовал интерес к работам Гроция, Селдена, Лейбница, Боссюэ, Сен-Пьера и др.¹⁶

В целом, государства Нового времени кристаллизировались в многочисленных и переплетающихся друг с другом основных формах. Во взаимодействии экономических трансформаций, политической силы и внутри- и межгосударственных конфликтов формировалось «представительское» государство, выросшее из автократической монархии в партийную демократию; централизованное «национальное» (этническое) государство и локальные федеративные системы. Можно согласиться с точкой зрения М. Манна, что уже в XVIII в. два источника власти — экономический и военный — определили общественную структуру западноевропейского общества. Оба эти источника были тесно связаны друг с другом, и ни один не имел преимущества перед другим¹⁷.

Информация о статье

Ивонина, Л. И. Суверенитет и власть в Европе после Вестфальского мира, В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2019. Вып. 5 (1). С. 96–113.

¹⁶ Bourbon-Habsburg-Oranien. Konkurrierende Modelle im dynastischen Europa um 1700 / Hrsg. von K. Kampmann, K. Krause, E.-B. Krems, A. Tischer. Köln/Weimar/Wien, 2008. S. 32–41, 52–53; *Ranum, O. Artisans of Glory: Writers and Historical Thought in Seventeenth-Century France*. Chapel Hill, 1980. P. 336–339; *Schindling, A. «Ikonen» der Kriegserfahrungen – Eine Bilderauswahl zur Einführung*, in: *Kriegserfahrungen – Krieg und Gesellschaft in der Neuzeit. Neue Horizonte der Forschung*. / Hrsg. von G. Schild, A. Schindling. Paderborn/München/Wien/Zürich, 2009. S. 24–25.

¹⁷ *Mann, M. Geschichte der Macht*. Frankfurt/New York, 1998. Bd 3. Teil 1. S. 57.

Людмила Ивановна Ивоина, д. и. н., проф. кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет (214000, Россия, Смоленская обл., Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4)

ivonins@rambler.ru

kaf-vsistor@smolgu.ru

УДК 94

На фоне дискуссии в статье анализируются проблемы суверенитета и монополизации власти после Тридцатилетней войны. То, что Вестфальский мир заложил основы современного международного права и современной политической картины мира как совокупности суверенных, независимых и равноправных национальных государств, сегодня подвергается сомнению. В принципе, автор согласна с мнением, что корни стилизации и миф о Вестфальском мире исходят из сочинений его современников, развитых впоследствии в эпоху Старого порядка и перед Французской революцией конца XVIII в. Вестфальский мир имеет наивысшую ценность, если иметь в виду, что он привел к концу кровавого и бессмысленного конфликта и переходу от конфессиональной к рациональной политике. Тогда была достигнута определенная стабильность, которая могла привести отношения между государствами и народами к новому политическому равновесию, и стали формироваться новые формы взаимного сосуществования, активно апробировавшиеся в политике, экономике, культуре. Новым явлением стал мир «дворов и альянсов», который во всех сферах жизни достаточно отчетливо провел черту между поздним Средневековьем и Новым временем. В целом внутривнутриполитическая жизнь континента со второй половины XVII в. характеризовалась всеохватывающим процессом монополизации, который привел к концентрации в руках носителей высшей государственной власти всех важных политических полномочий. Этот процесс имел место как в государствах, ставших на путь буржуазно-правовой трансформации, так и в преобладавших на континенте абсолютных монархиях. Новые формы европейского бытия формировались в тесном взаимодействии методов адаптации и конкуренции. Следствием конкуренции и ярким примером адаптации явилась регализация европейских правителей и государств.

Ключевые слова: Вестфальская система, суверенитет, государство, баланс сил, монополизация власти, регализация, монархия

Information on the article

Ivonina, L. I. Suverenitet i vlast' v Evrope posle Vestfal'skogo mira [European state after the Peace of Westphalia], in: Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture, 2019. Vol. 5 (1). P. 96–113.

Lyudmila Ivanovna Ivonina, Doctor of History, professor, Department of World History, Smolensk State University (214000, Rossiya, Smolenskaa oblast', Smolensk, ulitza Przheval'skogo, 4)

ivonins@rambler.ru

kaf-vsistor@smolgu.ru

Against the background of the discussion, the article analyzes the problems of sovereignty and the monopolization of power after the Thirty Years War. The fact that the Peace of Westphalia laid the foundations of modern international law and the modern political picture of the world as a combination of sovereign, independent and equal national states is being questioned today. Largely, the author agrees with the opinion that the roots of stylization and the myth of the Peace of Westphalia emanated from the works of its contemporaries, which were later developed in the era of the Old Regime and before the French Revolution of the late 18th century. The Peace of Westphalia has the highest value if we bear in mind that it led to the end of the bloody and senseless conflict and the transition from confessional to rational politics. Thereat a certain stability was achieved, which could bring the relations between states and nations to a new political equilibrium, and new forms of mutual coexistence began to take shape, actively tested in politics, economics, and culture. The new phenomenon became the world of «courts and alliances», which quite clearly drew a line between the late Middle Ages and the Modern Age in all spheres of life. In general, the internal political life of the continent from the second half of the 17th century was characterized by an inclusive monopolization process, which led to the concentration in the hands of the holders of the highest state power of all important political authorities. This process took place both in the states that took the path of bourgeois legal transformation and in the absolute monarchies prevailing on the continent. New forms of European existence were formed in close interaction of methods of adaptation and competition. The consequence of competition and a vivid example of adaptation was the regalization of European rulers and states.

Key words: Westphalian system, sovereignty, state, the balance of power, monopolization of power, regalization, monarchy

Список литературы и источников

Asch, R., Freist, D. Einleitung: Staatsbildung als kultureller Prozess, in: *Strukturwandel und Legitimation von Herrschaft in der Frühen Neuzeit* / Hrsg. von R. Asch, D. Freist. Köln/Weimar/Wien: Bönlau Verlag, 2005. S. 1–49.

Barbiche, B. Les institutions de la monarchie française à l'époque Moderne XVI–XVIII siècle. Paris: Quadrige, 2001. 448 p.

Blanning, T. The Pursuit of Glory: Europe 1648–1815. London: Penguin Books, 2008. 736 p.

Bourbon-Habsburg-Oranien. Konkurrierende Modelle im dynastischen Europa um 1700 / Hrsg. von K. Kampmann, K. Krause, E.-B. Krems, A. Tischer. Köln/Weimar/Wien: Böhlau, 2008. 301 S.

Gelderen, M. van. Republikanismus in Europa. Deutsch-Niederländischen Perspektiven 1580–1650, in: *Aspekte der Politische Kommunikation in Europa des 16. und 17. Jahrhunderts*. München: Oldenbourg, 2004. S. 283–309.

Grewe, W. G. Epochen der Völkerrechtsgeschichte. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1984. 192 S.

Duchhardt, H. Europa am Vorabend der Moderne 1650–1800. Stuttgart: Verlag Eugen Ulmer, 2003. 464 S.

Duchhardt, H. Frieden im Europa der Vormoderne. Ausgewählte Aufsätze 1979–2011 / Hrsg. von M. Espenhorst. Paderborn/München/Wien/Zürich: Ferdinand Schöningh, 2012. 209 S.

Henshall, N. The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. London/New York: Routledge, 1992. 256 p.

Kittsteiner, H. D. Die Stabilisierungsmoderne: Deutschland und Europa 1618–1715. München: Carl Hanser Verlag GmbH & Co, 2010. 448 S.

Mann, M. Geschichte der Macht. Bd 3. Teil 1. Frankfurt/New York: Campus, 1998. 363 S.

Neugebauer, W. Staat – Krieg – Korporation: Zur Genese politischer Strukturen im 17. und 18. Jahrhundert, in: *Historisches Jahrbuch*. Jg. 123. 2003. S. 197–237.

Ranum, O. Artisans of Glory: Writers and Historical Thought in Seventeenth-Century France. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980. 355 p.

Schilling, H. Europa um 1700: Eine Welt der Höfe und Allianzen und eine Hierarchie der Dynastien, in: *Preussen 1701. Eine europäische Geschichte: Essays*. Berlin: Henschel, 2001. S. 12–30.

Schindling, A. «Ikonen» der Kriegserfahrungen – Eine Bilderauswahl zur Einführung, in: *Kriegserfahrungen – Krieg und Gesellschaft in der Neuzeit: Neue Horizonte der Forschung* / Hrsg. von G. Schild, A. Schindling. Paderborn/München/Wien/Zürich: Verlag Ferdinand Schöningh, 2009.

Schnettger, M. Kleinstaaten in der Frühen Neuzeit, in: *Historische Zeitschrift*. Bd 286. Heft. 3. Juni 2008.

Tischer, A. Ludwig XIV. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 2017. 243 S.

Вестфальский мир: Межкафедральный круглый стол в МГИМО (У) МИД России 27 февраля 2008 года, В кн.: *Вестник МГИМО-Университета: Журнал*. 2008. № 1. С. 78-89.

Тешке, Б. Миф о 1648 году: Класс, геополитика и создание современных международных отношений. М.: Изд. дом Гос. университета —Высшей школы экономики, 2011. 416 с.

Шиллинг, Х. Становление европейских государств раннего нового времени и формирование политической системы их взаимоотношений как системы держав современной Европы, В кн.: *Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв.* М., 2002.

Шоно, П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 608 с.

References

Asch, R., Freist, D. Einleitung: Staatsbildung als kultureller Prozess, in: Asch, R., Freist, D. (Hrsg.) *Strukturwandel und Legitimation von Herrschaft in der Frühen Neuzeit.* Köln/Weimar/Wien: Bönlau Verlag, 2005. S. 1–49.

Barbiche, B. Les institutions de la monarchie française à l'époque Moderne XVI–XVIII siècle. Paris: Quadrige, 2001. 448 p.

Blanning, T. The Pursuit of Glory: Europe 1648–1815. London: Penguin Books, 2008. 736 p.

Gelderen, M. van. Republikanismus in Europa. Deutsch-Niederländischen Perspektiven 1580–1650, in: *Aspekte der Politische Kommunikation in Europa des 16. und 17. Jahrhunderts.* München: Oldenbourg, 2004. S. 283–309.

Grewe, W. G. Epochen der Völkerrechtsgeschichte. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1984. 192 S.

Duchhardt, H. Europa am Vorabend der Moderne 1650–1800. Stuttgart: Verlag Eugen Ulmer, 2003. 464 S.

Duchhardt, H. Frieden im Europa der Vormoderne: Ausgewählte Aufsätze 1979–2011 / Hrsg. von M. Espenhorst. Paderborn/München/Wien/Zürich: Ferdinand Schöningh, 2012. 209 S.

Henshall, N. The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. London/New York: Routledge, 1992. 256 p.

Kampmann, K., Krause, K., Krems, E.-B., Tischer, A. (Hrsg.) Bourbon-Habsburg-Oranien: Konkurrierende Modelle im dynastischen Europa um 1700. Köln/Weimar/Wien: Böhlau, 2008. 301 S.

Kittsteiner, H. D. Die Stabilisierungsmoderne: Deutschland und Europa 1618–1715. München: Carl Hanser Verlag GmbH & Co, 2010. 448 S.

Mann, M. Geschichte der Macht. Bd 3. Teil 1. Frankfurt/New York: Campus, 1998. 363 S.

Neugebauer, W. Staat – Krieg – Korporation: Zur Genese politischer Strukturen im 17. und 18. Jahrhundert, in: *Historisches Jahrbuch.* Jg. 123. 2003. S. 197–237.

Ranum, O. Artisans of Glory: Writers and Historical Thought in Seventeenth-Century France. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980. 355 p.

Schilling, H. Europa um 1700: Eine Welt der Höfe und Allianzen und eine Hierarchie der Dynastien, in: *Preussen 1701. Eine europäische Geschichte: Essays*. Berlin: Henschel, 2001. S. 12–30.

Schindling, A. «Иконы» der Kriegserfahrung – Eine Bilderauswahl zur Einführung, in: Schild, G. Schindling, A. (Hrsg.) *Kriegserfahrungen – Krieg und Gesellschaft in der Neuzeit. Neue Horizonte der Forschung*. Paderborn/München/Wien/Zürich: Verlag Ferdinand Schöningh, 2009.

Schnettger, M. Kleinstaaten in der Frühen Neuzeit, in: *Historische Zeitschrift*. Bd 286. Heft. 3. Juni 2008.

Shilling, H. Stanovlenie yevropeyskikh gosudarstv rannego Novogo vremeni i formirovaniye politicheskoy sistemy ikh vzaimootnosheniy kak sistemy derzhav sovremennoy Yevropy [The development of early modern European states and the formation of their relationships as the system of powers in modern Europe], in: *Rossiya, Pol'sha, Germaniya v yevropeyskoy i mirovoy politike XVI–XX vv.* Moskva, 2002. (in Russian)

Shonyu, P. Tsvivilizatsiya klassicheskoy Yevropy [La civilisation de l'Europe classique]. Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2005. 608 p. (in Russian)

Teshke, B. Mif o 1648 gode: Klass, geopolitika i sozdaniye sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy [The myth of 1648: Class, geopolitics, and the making of modern international relations]. Moskva: Izd. dom Gos. universiteta — Vyshey shkoly ekonomiki, 2011. 416 p. (in Russian)

Tischer, A. Ludwig XIV. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 2017. 243 S.

Vestfal'skiy mir: Mezhhkafedral'nyy kruglyy stol v MGIMO (U) MID Rossii 27 fevralya 2008 goda [The Peace of Westphalia: The round table at MGIMO 27 February 2008], in: *Vestnik MGIMO-Universiteta: Zhurnal*, 2008. No 1. P. 78–89. (in Russian)